

A young woman with long, golden-blonde hair styled in a thick, intricate braid that falls over her right shoulder. She has bright blue eyes and a soft, serene expression. She is wearing a green dress with a white lace collar and white sleeves. She is positioned in the center of the frame, looking directly at the viewer. The background is a vibrant underwater scene viewed through a stone archway. The water is a deep, clear blue. Various colorful fish, including orange and white striped clownfish, blue tangs, and smaller green and blue fish, are swimming around. The archway is made of rough-hewn grey stones. To the left, there are large, branching red coral structures and smaller purple and pink corals. To the right, a window with a metal grate is visible in the stone wall. The overall lighting is bright and natural, suggesting a sunlit underwater environment.

**Анна
Неделина**

**Марья
и подводный
хозяин**

Анна Неделина

Марья и подводный хозяин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73530718

SelfPub; 2026

Аннотация

Марья живет у дядьки Власа, удачливого рыбака. Власу помогает сам водяной: гонит рыбу в его сети. Но, конечно, эта помощь не бескорыстная. Когда-то Влас заключил с водяным договор, согласно которому Марья должна отправиться в услужение к подводному хозяину. Правда сама девушка узнала об этом только когда пришла пора платить по счетам...

Анна Неделина

Марья и подводный хозяин

Жила Марья в небольшой деревеньке на берегу широкой реки. Каждый первый в той деревне был рыбак. И все знали, что и река, и лесное озеро, прозванное Яхонтовым, принадлежали водяному. Суров был подводный хозяин и силен. На дне озера отстроил он себе дворец, весь украшенный жемчугами да самоцветами. В лунные ночи можно было увидеть свет, идущий из воды, и заметить самые верхушки дворцовых башен. Да только мало кто решался отправиться к Яхонтовому озеру ночью, все гнева водяного побаивались. Никто с ним ссориться не желал.

Не было в деревне рыбака удачливей, чем Влас! Говорили, что подводный правитель ему благоволит, потому и посылает в его сети и крупных осетров, и сигов в изобилии, да еще – бесчисленную мелкую рыбешку.

Марье он приходился дядькою, в его доме она жила с тех самых пор, как мор унес ее родителей и старших сестер. Были у Власа собственные сыновья да еще дочь Румяна, но и о Марье он тоже заботился, как мог. Неплохо все же жилось ей у рыбака, за чернавку ее не держали при сестрице. Влас был строг, но никогда хворостиной не наказывал, как бывало в соседских домах. Следил, чтобы деревенские парни не обижали. Правду сказать, заглядывались на Марью молодые

рыбаки, бывало, что и сестрица Румяна с недовольством говорила: мол, может, из-за рыбного запаха на тебя сперва люди глядят, а потом уже меня замечают? Уж очень она любила наряжаться да в воду на себя глядеться. Ей дядька даже купил на ярмарке железное зеркалаще... А Марье привез крашенные деревянные бусы, чтобы она принарядилась.

Были у Марьи и праздничный сарафан, и красная лента для волос.

Всего на седмицу в разгар лета распускалась на берегу озера волшебная цвет-трава. Цвела она только по ночам, после сильных гроз с громом и молниями, тянулась к серебряному лунному свету, пусть и холодному, но напоенному волшебной силой. Сила та сохранялась в цветах, если была сорвана девичьей рукой.

Только цвет-трава с берегов Яхонтова озера подходила дядьке Власу. Был Влас первым среди рыбаков. Румяну Влас холил и лелеял, подыскивал ей видного жениха, не позволял белые ручки портить работой, которая могла быть и опасна. Потому к берегу озера за цвет-травой дядька отправлял Марью да каждый раз наказывал, чтобы она никому не говорила, куда и зачем отправляется.

Страшно было Марье, но воле дядькиной она никогда не перечила. Хотя было чего испугаться. Отдала бы она и бусы, и ленту, лишь бы не понадобилось больше ночью идти к Яхонтовому озеру. Не просто так о нем рассказывали страшные сказки. Водяной забирал к себе людей. Требовались ему

слуги, да и рыбаков он держал в страхе, никто не выходил на промысел без подношения, без просьбы загнать в сети рыбу пожирнее. И если у кого-то с водяным выходила ссора, то все знали – не поймать ему рыбы во владениях подводного хозяина. Да и жизнь несчастного была в опасности. Только Влас не боялся. И вот почему.

Случилось это лет десять назад, была тогда Марья подлетком, худющей да глазастой, даже соседи ее частенько за мальчишку принимали. Отправлял ее дядька с поручениями. Тогда у него еще не было такого богатого дома, и Марье-сиротке доставалось куда больше работы. А может, просто ей казалось, что жилось тяжелей: больно часто она хворала. Голова кружилась, бывало, что и падала она прямо во дворе, не донеся ведро с водой до дому. Румяна тогда любила Марью, как родную сестрицу, везде с ней за руку ходила... Да не о том речь пока.

Однажды полоскала Марья белье в реке. А лето выдалось тогда жаркое, ушла вода далеко от привычного берега, оголила часть речного дна. И вот глядит Марья, а на бережку какой-то незнакомый мальчонка клубком свернулся. Волосы у него странные: и не соломенные, а будто с зелена. Был он уже в беспамятстве, горяченный, как в лихорадке. Попросил тихо пить – Марья едва разобрала, что он лепечет. Принесла Марья ему речной водицы в ведерке, помогла напиться. Мальчишка чуть в ведро головой не нырнул, всю воду на себя опрокинул. Так вроде даже лучше ему стало, сознание

прояснилось. Тогда-то Марья и побежала во двор – за дядькой. Рассказала ему, что к чему, он-то сразу смекнул, что выбрался на берег кто-то из водянят, детей речного хозяина. С непривычки сомлел на жарком солнышке. Благо, Марья его в тенечке оставила. Ей-то невдомек было, что бедняга просил не напоить его, а в реку вернуть. Если бы поняла – помогла бы добраться до воды. Но дядька Влас был хитрее. Он дождался, пока хватятся водяненка да приплывут его искать. Да требовал за спасение сына подводного хозяина награду.

Вот когда не стало у него бед в жизни, во всем-то у него был недостаток. А еще: подобрел дядька Влас к племяшке. Купил у знахарки каких-то лекарств, и скоро Марья хворать совсем перестала.

Звали ту знахарку Варварой. Марья с тех пор, как вылечилась, забегала к ней, чтобы подсобить по хозяйству. Варвара была еще нестарой женщиной, да вдовой и бездетной. Жила она в покосившейся избушке, на самом краю деревни. Всегда-то она была одна, сколько Марья помнила. Грустная ходила, как будто потеряла что. Идет по воду – и вроде высматривает кого-то. Встанет на крыльце своей избушки – и словно ждет, что сейчас кто-то отворит старую скрипучую калитку, ступит на двор. Деревенские ее жалели, помогали, чем могли.

Однажды Варвара призналась Марье:

– О сынке своем думаю, о Егорушке. Ему бы сейчас столько, сколько и тебе было бы, если бы не забрал его к себе реч-

ной хозяйин. Глаза у него были такие же синие, и волосы – словно спелая пшеница...

– Как же так вышло? – спросила Марья.

– Да вот так. Глупа я была... Без мужа осталась, тяжелой жизнь стала. Вот мне казалось: не слушался мой Егорушка, будто назло все делал. Не взвидела я свету да и сболтнула: забери тебя водяной! А на следующий день он пропал, словно его и не было. Уж я за помощью и к колдуну обращалась, что в Верховлеске живет, и у озера просила, чтобы вернул мне сына водяной... Вот и хожу, сама не знаю, зачем. Все надеюсь, не знаю, на что.

Подарила тетушка Варвара Марье платочек с кистями. Нарядный – любо-дорого поглядеть! Первым делом Марья его, конечно, Румяне показала. А та почему-то разозлилась.

– Ты его украла!

Марья такого не ожидала. У кого она могла платок украсть? Но Румяна слушать не хотела. Посулила:

– Увидит кто – дядьке скажет. Ой и достанется тебе! Ты мне отдай, я спрячу.

Пришлось отдать. А потом увидела Марья, что Румяна тот платок повязывает без опаски.

– Ты же сказала: накажут!

– Так то тебя, воровку! – дернула Румяна плечом. – А мне бояться нечего!

И убежала к подружкам. Да только через пару дней с визгом бросила Марье смятый мокрый комок, измазанный в

земле.

– Забери! Забери эту гадость!

Марья с удивлением и затаенной радостью развернула платочек. А Румяна криком кричала, домашние все сбежались. Поняли так: Румяна с подружками пошла на озеро гадать на суженого. Говорят, если в правильное время в воду заглянуть, можно увидеть будущее. Ночью, конечно, никто не решался, а вот днем бегали, хоть родители и запрещали. Подружки заглядывали: ничего не разглядели, только тени какие-то мелькали. А Румяна только к воде подошла, как из густой осоки бросилось к ней чудище речное, все в тине. Лицом – страшилище, кожа серая, глаза страшные, нечеловеческие. Ухватило чудо-юдо платочек и проквакало отвратительным голосом:

– Не ко мне ли пришла, красна девица?

Тут-то Румяна испугалась, что ее сейчас под воду утащат, завизжала, закричала на чудище, да еще и палкой замахнулась. Палку она для смелости взяла, чтобы к воде не так страшно подойти было. Набежали подружки, да только чудище уже в воду бултыхнулось – никто, кроме Румяны, и не увидел. Влас, конечно, сильно осерчал, запретил дочери к озеру ходить. На платочек посмотрел хмуро, но все же не отобрал у Марьи, только плечами пожал, когда узнал, откуда вещица.

Марья платочек выстирала и надевала его, только если к Яхонтовому озеру собиралась. Она-то поняла, что к Румя-

не, должно быть, выбирался пропавший сын доброй женщины... Да только Румяна не поняла, а у страха, как известно, глаза велики. Марья нашла бы, что сказать бедняге. Он ведь наверняка хотел весточку о матери получить. Видно, узнал приметный платочек.

Потому и носила его Марья, когда собиралась к озеру. Да была еще причина: странно, но если платочек был при ней, Марье отчего-то делалось спокойней.

Настало время, когда дядька Влас в очередной раз заговорил о том, что пора бы собрать цвет-траву, Марья вышла ночью на порог, накинула платочек на плечи. И страшно было девушке, и устала она, наработавшись за день, да ничего не поделаешь. Уж и уговаривала она дядьку: в такую ночь цвет-трава ни за что не расцветет, ей лунный свет надобен. Никаких слов не хотел слушать Влас. Опасался, что упустит время и уйдет от него удача. Хотя ведь не в траве дело, но без крепких сетей рыбу не удержишь!

Наверное, и Марье бы не стоило страшиться на озеро ходить – раз уж она тоже была спасительницей для водяненка. Да дядька об этом не упоминал, когда с посланцами водяного говорил, а сам мальчонка вряд ли что запомнил из случившегося.

Вот добралась Марья до Яхонтового озера. Кругом темнота, а вода светится серебром, переливается. Словно в ней отражались звезды, хотя на небе их и не было видно. А вдоль берега озера – то тут, то там – сияли мягким светом вол-

шебные цветы! Красиво и жутко стало Марье. Вокруг стояла мертвая тишина: не было слышно ни плеска воды, ни ветерка, ни птичьего крика.

Тут где-то неподалеку хрустнула ветка. Девушка вздрогнула, замерла. Но ничего больше не услышала. И не увидела никого, хотя огляделась, пусть и страшно ей было, а зажмуриться – еще страшнее! Девушка сжала кисточку платка. Постояла немного, набираясь смелости. Прежде, чем собирать цвет-траву, подошла она к самой воде, поклонилась, попросила прощения:

– Не сердчай, бабушка водяной, я тут похозяйничаю.

Достала Марья ножичек острый да и взялась срезать траву чудесную. Набралась целая охапка. Тут и луна вышла из-за туч, осветила все кругом чудесным светом. Пусть и холодным, но озеро стало словно сплошь из самоцветов выложенное. Замерла Марья, залюбовалась.

– И кто же это озорует, в чужих владениях хозяйничает? – прозвучало вдруг грозно.

Вздроснула Марья, травки все на землю посыпались. Перед девушкой стоял дед: борода до пят длится, в ней – кубышки да мелкие рыбешки запутались. Тулуп на бабушке будто тиной покрыт. Седые лохматые космы из-под шапки выбиваются, усы до самого пупа спускаются. Плащ на нем был весь рогульником облеплен.

Никогда прежде этого человека Марья не видела.

– Воровала! – ткнул он в ее сторону скрюченным серова-

тым пальцем, да и разглядела она перепонки, точь-в-точь – жабы. Затрепетало сердце.

– Прости, дедушка водяной, – поклонилась Марья. – Я здесь по поручению моего дядюшки Власа-рыбака. Он тебе поклон передает.

– Хотел бы передать – сам бы принес, – проворчал дед и зло добавил: – Ничего тебе дядька не поручал. Обещался он речному хозяину жизнь отдать, вот и прислал в счет исполнения долга. Теперь ты подданная подводная, так что пойдешь со мной. Зря только травы столько перевела! Ну да не пропадет, прихватим с собой. За каждую былиночку отчитаешься, за каждую сорванную травиночку наказание получишь.

Марья задрожала. Не могло быть такого, чтобы Влас и правда отдал ее речному хозяину. Ухватилась девушка за край платочка.

Тут дед нахмурился, усами зашевелил. Пригрозил:

– Реветь не вздумай, не помогут тебе слезы! Глупая девка, решила водяного сыростью напугать!

Сообразила Марья, что он до сих пор говорил о водяном хозяине как о ком-то другом. И понадеялась, что сможет спастись. Не могла она поверить в такое страшное предательство. Слишком уж подлое было дело. Заманивал ее водяной...

Девушка снова поклонилась.

– Ты прости, что растерялась. Не знала я, что такой уговор

между дядюшкой и речным хозяином. Не нарядилась как следует, не приготовилась. Теперь стыдно во владениях подводных показаться будет. Дай хоть умыться, слезы утереть.

Дед подозрительно нахмурился, но проворчал:

– Ладно, давай, умывайся. Только быстро, некогда мне тут с тобой прохладжаться.

И отвернулся, вот удача! Марья со всех ног бросилась прочь от озера. Слышался сзади шум, ругань злая. Да только девушка мчалась, не оглядываясь, не останавливаясь. Далеко от озера житель подводный уходить не стал, как она и надеялась.

Из последних сил добежала до дома, на крылечке едва не упала, забарабанила в дверь. Показалось: год минул, прежде чем открыли. На пороге стоял дядька Влас, лицо – мрачнее тучи.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он. – Я тебя куда послал?

Тут Марья вспомнила о цвет-траве.

– Прости, дядюшка, я была на озере. Да только там меня водяной едва под воду не заманил. Сказал... сказал... – Марья едва вымолвила страшное: – Что ты ему меня отдал по уговору! Не погуби!

– Не реви, всех соседей перебудуешь, – проворчал дядька Влас. – Ну, не реви, кому сказано! Вот что, подшутил над тобой водяной. Шумела ты, должно быть, вот и не понравилось ему. Сколько раз тебе говорил: нельзя быть такой неук-

люжей. Набедокурила, а дядьке Власу теперь перед речным хозяином ответ держать, извиняться.

Всхлипнула Марья, задрожала, как осиновый лист.

– Ну-ну, успокойся, дуреха, что ты там себе надумала-то, – смягчился Влас. Накинул на плечи Марье свой старый армяк. Взял девушку за плечи, а потом вздохнул да и обнял по-отечески. – Разве я тебя обижал?

– Никогда, – замотала головой Марья. – Прости, дядюшка, натерпелась я страху, не знала, что и думать.

Постепенно слезы Марьи высохли, а испуг истаял, начал казаться пустым. Да и все, случившееся на озере, мстилось теперь страшной сказкой. Вот нечего было ночью истории о водяном вспоминать, саму себя пугать!

Марье стало тепло и спокойно. Не бросил ее дядюшка, хоть и случилась беда.

– Ты вот что, – решил дядька. – В дом пока не будем заходить, чтобы еще больше шуму не поднять. Помоги-ка мне найти кисет мой. Обронил я его во дворе. Ты так неслась, что мне не до такой ерунды было...

Марья, уже совсем успокоившись, закивала. Зажгли они лучину.

– Где-то здесь, – пробормотал Влас. – Давай-ка я вон там посмотрю, ближе к тыну. А ты у колодца погляди.

При слове «колодец» Марья вздрогнула. Ночью и воду набирать было не принято. Тем более после того, как она уже разозлила водяного хозяина... Но ведь не о воде была речь,

только и требовалось, что кисет дядькин найти. Подошла она ближе, невольно поглядывая на колодезного журавля, уж больно жуткий вид у него в темноте был.

– Не вижу, дядюшка, – тихо сказала девушка подошедшему Власу. Тут ее что-то толкнуло с силой. Только и успела девушка охнуть, как перед глазами все завертелось, почувствовала она, что падает, да все вниз и вниз, в непроглядную темноту.

Когда Марья пришла в себя, было светло как днем. Только привычного неба не было видно. Зато летали вместо птиц рыбы, омули да лещи, проносились целые косяки мелкой пестрой рыбешки. Переливались они яркими цветами, радовали глаз.

Колыхались вокруг деревца на змеистых стволах, и не имелось на них почти ветвей. Под ногами у Марьи были песок да камешки.

Поняла Марья, что находится она на дне колодца, в который, видно, упала. Потому и рыбы вокруг летают: оказалась девушка в подводных владениях. Чудно все вокруг, и отчего-то Марья способна дышать. А уж откуда свет – и вовсе непонятно.

Огляделась девушка, прошлась туда-сюда. И совершенно вода не мешала ей ходить. Именно ходить, а не плавать. Снова чудеса!

Потом увидела она по правую руку камень, а на камне – как будто еще один камень. Только вдруг второй камень зашевелился, и оказалось, что это человек, укрытый серым плащом. Поднялся он, расправил плечи и показался Марье куда выше и крепче того грозного деда, с которым она столкнулась в первый раз. А вот голос у него был знакомый, его девушка узнала с содроганием.

– Попрощались?

Незнакомец обернулся и оказался безусым и безбородым молодцем. Ладным и пригожим, только бледным, словно солнца никогда не видавшим. Да еще глаза у него... Черные были глаза, неживые. Холодные. И смотрел-то он на Марью так, будто обвинял.

– Долго ждать тебя пришлось! Чай не госпожа. Водяной хозяин долготерпением не отличается. Чем дольше будешь кочевряжиться, тем суровой накажет.

– Дядька Влас... И правда с ним сговорился? – опустив плечи, спросила Марья. – За что же водяной так жестоко с ним обошелся? За что рассердился?

– Водяной с ним?! – юноша фыркнул. – А не твоему ли дядьке удача в руки шла все эти годы? Говорят, самая богатая изба во всей деревне у него, даже староста и тот скромнее живет. Хозяин речной просто так столько добра сразу не дает. Рано или поздно Влас должен был утопнуть, да только он об этом знал, конечно же. Вот и отправил тебя к водяному!

Марья горько вздохнула. Не плакала – крепилась. Тут по-

чувствовала, как рука легла на плечо, холодная – даже сквозь ткань сарафана чувствовалось.

– Ничего здесь страшного нет, – сказал парень. – Такая же жизнь, как и наверху. Только поначалу странная.

– Врешь ты все, – решительно сказала Марья.

– Ну, может, местами страшно. Так ведь и наверху тоже всякое случается.

– Я о том, что дядька Влас меня предал.

Парень криво усмехнулся и пожал плечами.

– Ну, спроси сама у водяного, раз не веришь. Подумаешь, была нужда тебе врать!

– А пугать – была? – уже с гневом спросила Марья. Пусть и попала она в подводный дворец, тут уже ничего не поделаешь. Но обижать она себя не позволит!

– Раз испугалась – сама виновата! Незачем было по ночам к озеру шастать да волшебную траву рвать! Водяной этого не любит!

– У дядьки Власа с ним уговор, – начала Марья да не стала продолжать, замолчала. Ей этот разговор был неприятен, даже страшен. И показывать свой страх она не хотела. Храбрилась, как могла.

Парень что-то понял по ее виду, снова усмехнулся. Сказал:

– Идем. Нас уже ждут. Судак Судакович не терпит, когда поперек его воли идут. Привыкай. Слова ему не смей сказать. Прикажет отвечать – тогда и рот открывай. Здесь тебе

господские палаты, а не какая-нибудь рыбацкая хижина!

– Как будто ты в этом дворце повелитель! – вспыхнула девушка. – Раскомандовался!

Решила она не говорить больше с неприветливым парнем. Пусть себе зазнается! Только вокруг столько всего интересного оказалось, что Марья не утерпела.

– А что же, – спросила она, – от самого нашего колодца путь в подводный дворец идет?

– На дне отовсюду туда доберешься, – пояснил парень. – Запоминай, обращаться к нему можно: «господин водяной», «хозяин подводный», а лучше по имени. Зовут его Судак Судакович. У него сын и дочь – господин Налим и госпожа Плотвичка. Да еще младший, Лещ Судакович, но обычно его господином Лещиком все называют...

– Имена-то какие чудные, – подивилась Марья.

– Нам тут верхние имена тоже кажутся смешными.

– А у тебя?

– Что?

– У тебя какое имя? Меня Марьей зовут.

– Это тебя наверху так звали. А как здесь будут величать – еще посмотрим. Я Ёрш.

Марья невольно улыбнулась. Парень заподозрил что-то, прищурился. Спросил с подозрением:

– Что это ты?

– Да имя тебе удивительно подходит, – пояснила Марья. – Ты такой... ершистый.

Парень подумал и вдруг тоже улыбнулся.

Шли они недолго, и вскоре впереди показались белокаменные хоромы с башенками. Крыши все были сплошь выложены перламутровой черепицей, которая блестела да переливалась. Такой красоты Марья прежде не видала.

У входа во дворец стояли стражники с острогами и кривыми саблями на поясах. Доспехи у стражи подводной были чудные: ни дать ни взять – рыба чешуя!

Бросился к Марье и ее провожатому юркий мужичок в синем кафтане с высоким воротом.

– Явился, Ершонок! Его милость уже дважды изволил спрашивать, куда ты запропастился. Гневается. Не боишься?

– Тебе что за печаль? – лениво поинтересовался Ёрш. Мужичок аж взвился. Бороденка затряслась, с головы чуть шапка остроконечная не слетела.

– Договорись! Накажут, тогда, небось, иначе запоешь.

– Будет воля господина – так и накажут, – Ёрш остался спокоен, а вот Марья от угрозы вздрогнула. – Спасибо, что беспокоишься обо мне, господин Вьюн.

Стражники не шелохнулись. Господин Вьюн бросил быстрый взгляд на Марью, погрозил Ершу кулаком.

– Смотри у меня, наглец! Ты кто таков есть? Всего лишь конюх, вот и не задавайся! У тебя работы полно, не забывай.

– И хотел бы, не смог бы позабыть, – Ёрш еще и поклонился. – Ты же заботливо напоминаешь мне каждый раз, господин Вьюн.

Еще пуще разозлился Вьюн, но тут Ёрш напомнил:

– Ведь подводный хозяин ждать изволит...

Тут уж и возразить было нечего. Опомнился синий кафтан, бросил еще один гневный взгляд на Марью, будто она была во всем виновата. Тут же приосанился, важно сказал:

– Следуйте за мной!

И повел их по коридорам дворца. Остановились у высоких дверей, и там тоже была охрана в странных доспехах. За дверями, которые сами собой отворились, Марья увидела огромный круглый зал, выстланный красными коврами. В центре зала, на троне, украшенном драгоценными камнями, восседал сам подводный хозяин. Точь-в-точь тот старик, каким Ёрш явился Марье на берегу Яхонтового озера. Батюшка-водяной действительно был стар, грозен, только здесь, в дворцовых палатах, выглядел еще и величественно, а вовсе не безумно, как его изобразил Ёрш. Ни дать, ни взять – настоящий царь. Хотя, говорят, над водяными всеми царь один – и живет он в море-окияне.

Подводный хозяин был облачен в красную рубаху с золотым шитьем да в плащ, отороченный рыбьей чешуей и жемчугом. Жемчуга были и в бороде, которая спускалась до самого пола.

Собрались тут и придворные – видимо-невидимо. Марья заробела, не знала, как себя и держать. Прошла она следом за Вьюном к трону. Ёрш молча шагал рядом с ней.

– Вот и новая твоя подданная, господин! – громко сказал

Вьюн. – Явилась по твоему велению!

– А, воровка пожаловала! – водяной даже потер руки от радости. – Ну, теперь ты мне за каждый сорванный цветок ответишь, глупая девчонка!

У Марьи от таких слов задрожали ноги. Но постаралась она виду не подать. Поклонилась низко, сказала:

– Не гневайся, батюшка Водяной! Не знаю я ни о каком воровстве. А цветы рвала по поручению моего дядюшки, рыбака Власа. У него с тобой уговор...

– Был! – оборвал ее Вьюн. – Был уговор! Да заключался он только на семь лет! И то его господин наш подводный слишком щедро отблагодарил...

– Но-но! – осадил его Судак Судакович. – Ты тут не рассуждай, велика ли была награда за спасение моего сына!

Испугался Вьюн, тут же заюлил, залебезил.

– Так-то оно так, твое подводное сиятельство. Да только не оценили люди твоей щедрости и по окончании уговора все равно явились рвать волшебные цветы! Накажи по всей строгости наглуую девчонку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.